

5. Пономаренков В. А. Введение в судебную (правовую) этнологию : монография. Саратов, 2004.

6. Фридинский С. Н. Религиозный экстремизм как идеология, используемая при совершении преступлений экстремистской направленности // Рос. следователь. 2008. № 12.

А. П. Ярко

(Тюмень)

К ВОПРОСУ О ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Акции 2017 г., проведенные сторонниками «Христианского государства» в России или радикалами от буддизма в Мьянме, показали, что экстремизм имеет разные «корни». На примере исламского радикализма можно проследить его возможные сценарии развития.

Попробуем проанализировать ситуацию, которая сложилась в азиатском пространстве современной России. И здесь нужно признать, что в Сибири (где ислам обосновался со Средневековья) и на Дальнем Востоке есть мощный внешний фактор изменения ситуации — миграция. Если в первом случае это традиционно сильный татаро-башкирский компонент, то на Дальнем Востоке сложился иной этнический баланс с уклоном в сторону уроженцев Кавказа и Центральной Азии. Сокращение татаро-башкирской общины наблюдается повсеместно: самая большая убыль — в Магаданской области (на 83%), в Амурской области (на 64%), на Камчатке (на 60%), в Хабаровском крае (на 55%), на Сахалине (на 54%), в Якутии (на 54%), в Приморском крае (на 47%). Наименьшая убыль татаро-башкирского населения отмечается в Еврейской АО (на 28%) и на Чукотке (на 11%). При этом удельный вес татар и башкир в Сибири (особенно в Западной) в составе населения гораздо значительнее.

Вне этой региональной специфики среди некоторых общин в различных азиатских субъектах Российской Федерации отмечены призывы к внедрению шариата. Это вызвало настороженное отношение других групп (умма вошла в очередной поворот извилистого пути трансформации, пытаясь найти «ответ» на «вызов» времени). При этом однозначно понятые отдельными людьми суждение из Корана и сунны приносило печальные плоды для них и безопасности страны. Представляла опасность отмеченная правоохранительными органами практика сращивания радикально настроенных верующих и криминала, стремившихся пройти во власть.

Понятия «традиционный ислам» и «ваххабизм» прочно вошли в оборот у верующих, хотя не всегда их верно классифицируют, тем самым

еще более (нежели в административном плане) раскалывается умма. Отсутствие диалога — одна из причин затяжного кризиса. Отметим, что основополагающий признак современного культурного пространства — именно диалог (через людей) светского государства и религиозных объединений.

Часть верующих (особенно из неофитов) привлекла в исламе патриархальность устоев (как альтернатива «современной бездуховной цивилизации»), иным он напомнил об утраченном их предками (социокультурная травма). Как следствие, усилились опасные тенденции в призывах, например, к архаизации этнокультур, сакрализации прошлого, становясь аргументом в политических дискуссиях о будущем страны и региона.

Сибирь и Дальний Восток по части терроризма могут превратиться в Северный Кавказ, если не будет предпринято мер на опережение. Особенно остро это связано с нерегулируемой миграцией. Так, Тюменская область по привлекательности для мигрантов занимает четвертое место после Москвы, Московской области и Петербурга. Сейчас в ряде населенных пунктов (особенно в северных округах) рождаются этнические гетто, поскольку идет воссоединение мигрантских семей. Это дети, жены, другие родственники мигрантов из предшествовавших волн, которые, в отличие от нынешней, были профессионально подготовлены, морально замотивированы для работы в иной природно-климатической и социально-культурной среде. Не утрачивая конфессионального и этнического своеобразия, они интегрировались в социум, который сам был мигрантским.

Показательно, что уже к концу 1980-х гг. уровень урбанизации в области (включая ХМАО – Югру и ЯНАО) достигал 76,1%, а население даже в депрессивные 1989–2002 гг. увеличилось с 3 097 657 до 3 264 841 чел. Это связано с разработкой и обслуживанием месторождений углеводородного сырья.

В ряде районов состав населения изменился качественно в зависимости от общего и личного опыта толерантности в местах исхода; уровня общего и религиозного образования (иногда лишь опыта) служителей культа и паствы; соотношения коренных и приезжих в конкретном населенном пункте; взаимоотношений власти и местного социума и т. д. Показательна статистика по г. Ноябрьску, где 18,3% зарегистрированных предпринимателей — выходцы из Средней Азии и Кавказа (больше 40% — азербайджанцы). Не все из них мусульмане по убеждению, но они изменили отношение к мусульманской культуре, поскольку являлись ее носителями. Анализ переписей показывает, что численность традиционно исповедующих или культурно ориентированных (по происхождению,

воспитанию, в том числе неофитов) на ислам только на Ямале за 20 лет возросла в 1,6 раза (со 155 567 в 1989 г. до 247 552 в 2010 г.), их доля составила 13,35% от общего числа населения. При этом количество татар и башкир, активно участвовавших в освоении северных богатств в советский период, увеличилось незначительно (в 1989 г. татары — 97 689, башкиры — 31 151; в 2010 г. татары — 108 899, башкиры — 35 428). Количество выходцев из Средней Азии и Кавказа возросло с 2,4 до 9,4 раз (например, число выходцев из Средней Азии в 1989 г. — 3 126, в 2010 г. — 29 630), но сколько из них активно практикующих мусульман — неизвестно.

Не менее сложная ситуация складывается с теми, кого отправляют для отбывания наказания в исправительные колонии, в Восточной Сибири некоторые из них прославились тюремными джамаатами. Основная часть осужденных исламистов отбывает наказание в колониях Западной и Восточной Сибири. Бунт в ИК-35 в Хакасии, где местный джамаат потребовал от начальства соблюдения законов шариата, привел к большому числу жертв.

На Дальнем Востоке есть пока не изученное, но опасное явление — корабельные (или трюмные) джамааты. Дело в том, что в дальневосточной акватории часто ходят рыболовецкие суда без портов приписки. Они появляются там от путины к путине на короткое время, поэтому на них надзорные органы не обращают особого внимания. В экипажах этих судов на неквалифицированных судовых ролях есть мигранты. Никаких документов на них не оформляют, за ними никто не следит. Эта черная рабочая сила создает на борту трюмные джамааты, вовлекая туда остальных рыбаков. Долгое время «заточенные» на выявление «экстремистски заряженных гостей» с Кавказа, Средней Азии, Ближнего Востока, Пакистана, органы власти (как и ученые) мало обращали внимание на то, что происходит с прибывающими из Юго-Восточной Азии. А там, как свидетельствуют СМИ, возникают свои горячие точки.

Обратим внимание, что по дальневосточному периметру Транссибирской магистрали в городах и поселках функционируют многочисленные салафитские общины, возглавляемые трудовыми мигрантами. В конце 2017 г. в Сибирском федеральном округе было выявлено около 200 преступлений экстремистской направленности. Примерно в то же время Совет по правам человека при главе Чечни опубликовал список жительниц Урала и Сибири — жен боевиков ИГ / ДАИШ (организация запрещена в РФ), находящихся в местах лишения свободы на территории Ирака.